

Серия NON-fiction медали-премии им. Ивана Грозного

Светлана Зарудина

*Не зажёргнуто
Памятью*

Светлана Александровна Зарубина

Не зачёркнуто Памятью

Серия «Non-fiction (ИП Березина)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57173915

Не зачёркнуто Памятью: Интернациональный Союз писателей;

Москва; 2020

ISBN 978-5-907350-02-1

Аннотация

Герои этой книги прошли через самые страшные испытания Второй мировой войны – концлагеря и советские фильтрационные зоны, гетто Польши и трудовой фронт в далекой Сибири.

На основе воспоминаний участников тех событий просто и без прикрас повествуется о мужестве и героизме. Эти исповеди «маленьких людей» до мороза по коже и комка в горле кричат нам о том, что об этой войне нужно помнить, передавать из поколения в поколение память о погибших, о тех, кто ценой своей жизни позволил нам жить.

Содержание

Между адом и... адом	7
Введение	7
Вступление	10
А я начинаю	12
Глава 1. Выбор	12
Глава 2. Восставшие из пепла	15
Автономова Лидия Потаповна (бывшая узница детского лагеря под г. Бург)	16
Тумаренко Алексей Николаевич (бывший узник концлагеря под г. Умань Черкасской области)	18
Родзевич Павел Михайлович (бывший узник детского лагеря под г. Линс)	22
Кузьмина Надежда Ивановна (бывшая узница трудового лагеря под г. Эссен)	24
Беккер Оскар Генрихович (бывший узник трудовой армии на территории Германии)	27
Глава 3. Совсем не простая история семьи	32
Сапожник	
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Светлана Зарубина

Не зачёркнуто Памятью

© С. Зарубина, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

* * *

Зарубина Светлана Александровна, родилась в г. Юрга Кемеровской области. Педагог, в настоящее время – пенсионерка.

Первые работы о пеших экспедициях по сибирской земле и рассказы об истории становления и развития города появились в местной прессе в 1998 году.

В 2005 году за работу «Между адом... и адом» получила медаль Союза славянских журналистов «Сыны Отечества».

В 2006 году в сборнике материалов научно-практической конференции «Евреи в Сибири» вышла статья об истории польской еврейской семьи 1939-1942 гг.

В 2008 году награждена медалью Януша Корчака за работу «Над Бабьим Яром...».

Между адом и... адом

Человечество собирается завершить тысячелетнюю историю и начать новую – первую человеческую главу. Приятное это чувство – осознавать, что в это развитие и ты внес свою, хотя бы крошечную долю. Смерть – явление естественное: все, что живет, должно умереть, но кто отдает свою жизнь за наше дело, в подвиг превращает он свою смерть.

Мартин Швантес, казнен в феврале 1945 года в застенках Заксенхаузена...

Введение

Эту работу я начала еще в 2005 году в сотрудничестве с детьми и педагогами разных общеобразовательных школ Юрги, а впоследствии к нашей работе присоединились сотрудники одной из городских библиотек города.

Основными участниками этой тяжелой, но очень нужной работы стали ребята тогда еще 5-го «Б» класса школы, где училась моя дочка.

Под руководством классного руководителя Григорьевой Л. А. и в содружестве с ребятами и взрослыми из других школ и детской городской библиотеки № 6 мы собрали богатейший материал одной из самых страшных страничек ис-

тории нашего государства.

«Между адом и... адом» – это наше преклонение перед мужеством и героизмом, страданиями и стремлением к жизни, восторг и восхищение людьми, которые поведали нам свои истории жизни.

За 2 года нами была сделана большая работа. Из небытия прошлого были возвращены десятки имен, фамилий, фактов и документов. Но мы решили раздвинуть границы познаний об истории строительства концлагерей и о жизни в них наших героев. Нам стало интересно: где та история жизни и смерти, радости и скорби, что стало с людьми, которые прошли все ужасы фашистских застенков, как отразилась история нашей страны на судьбе этих людей? На эти и многие другие вопросы мы попытались ответить в своей первой работе «Возрожденные из пепла...».

Наши встречи с героями повествования были разными: одних мы заставляли дома, других искали на работе, третьих... а третьи – предпочли не общаться с нами. Тяжел груз прожитого, и не их вина, что так все сложилось. Жизнь – удивительная вещь, и поэтому кому, как не им, прошедшим невероятные муки и страдания, знать и понимать это.

Конечно же, на первоначальном этапе работы к нашему желанию восстановить историю жизни в плену бывших малолетних узников, проживающих в настоящее время в нашем городе, отнеслись с недоверием. Но постепенно наши собеседники становились союзниками и помощниками и с

огромным удовольствием помогали нам собирать и обрабатывать материалы, несмотря на тяжесть воспоминаний и возраст, многим из них уже ближе к 80.

Наша работа повествует о стремлении к жизни, и мы считаем, что не зря решили продолжить эту тему, потому что наше сегодняшнее – это их прошлое, и эта тема еще долгие годы будет актуальна, своевременна и необходима. Скорее всего, прошло то время, когда подлинную историю своего государства, своего города, своей семьи было стыдно знать. В настоящее время стыдно не знать этого, и поэтому познание своего прошлого, а это, прежде всего, жизнь наших бабушек, дедушек, мам и пап, дает возможность оценить преемственность поколений, это во-первых. Во-вторых, а это покажет время. Поживем, увидим.

Знакомясь с историческим прошлым и нынешними днями наших героев, мы еще раз убедились, как важно место личности в истории, насколько хрупка и нежна человеческая жизнь, насколько интересны и неповторимы жизненные пути каждого отдельно взятого человека. А сколько утрачено документов, имен, фамилий, дат? Много из утраченного да-ло бы возможность более точно воспроизвести ту действительность, в которой жили десятки сотен людей, а о многом мы бы знали не понаслышке и имели бы возможность более реально оценивать происшедшее.

Вступление

9 мая 2005 года наша страна отметила 60-летний юбилей Великой Победы. Это был праздник всего народа, независимо от места проживания, возраста и национальности.

За 3 года, 10 месяцев и еще 18 дней война унесла 26 миллионов 452 тысячи жизней. Это официальная цифра погибших на фронтах. А кто посчитал жизни штрафбатников, замученных и заживо закопанных, сожженных и растерзанных собаками в многочисленных фашистских лагерях смерти и гетто Варшавы и Люблино? А кто посчитал мученические смерти младенцев? Ведь, как известно, эти смерти не считали ни фашисты, ни советские руководители.

«Из одного металла льют медь за подвиг и медаль за труд...» Все ли здесь так и на самом деле? Это рассказ о совсем неприметных людях, которые живут рядом с нами. О них мы ничего не знаем. А у каждого из них за спиной – немислимые испытания, о которых они предпочитают молчать и не считают это подвигом. Как, какой меркой оценить жизнь? И как можно понять то, что после кошмара фашистских концлагерей они, уцелевшие и выжившие, оказались в кошмаре советских чисток и ссылок?

Эта повесть написана совместно с членами детского эколого-краеведческого объединения «Ласточка» муниципального учреждения дополнительного образования г. Юрги

«Станция юных туристов», учащимися 2-й и 10-й школ совместно с педагогами школы № 10 и работниками детской городской библиотеки-филиала № 6. Мы попытались восстановить события тех лет на основе воспоминаний бывших малолетних узников концлагерей. Большинство из них были совсем крохами или родились в этих нечеловеческих условиях. Их 34, четверо с большим трудом согласились встретиться с нами. Четыре судьбы, четыре совершенно разных человека, но объединяет их одно: все они – дети – узники концлагерей. А пятого, Алексея Николаевича Тумаренко, уже нет в живых. Но остались документы – молчаливые свидетели тихого подвига простого человека. Они не имеют никаких высоких правительственных наград. Они всю жизнь, по приказу родителей, молчали и до сих пор молчат, боятся шевелить старое. И то, что они нам доверились и рассказали о самом сокровенном, сдерживая слезы, дает нам право говорить о том, что память – категория нравственная, и забывать об этом нельзя.

А может, уже пора вернуть им долги за их мученичество и мужество? И тогда, действительно, будет верна фраза «Из одного металла льют медаль за подвиг и медаль за труд...».

А я начинаю

Глава 1. Выбор

Мысль рассказать о бывших малолетних узниках фашистских концлагерей зародилась еще год назад, когда наша страна и многие страны мира праздновали 60-летие Великой Победы над фашистской Германией. В эти праздничные дни прошло множество встреч с бывшими участниками боев и тружениками тыла, но за всеми этими праздничными мероприятиями и чествованиями ветеранов как-то незаметными остались те, кто не по своей воле оказался на временно оккупированной территории, был угнан в Германию в трудовую армию или прошел все ужасы фашистских застенков и остался жив.

Оказалось, что не только в нашем небольшом провинциальном городке, где, кажется, все обо всем и обо всех знают, но и на огромной территории России наши сверстники и взрослые люди практически ничего не ведают об одной из страшнейших страничек истории нашего государства. В течение многих лет это было белым пятном, да и сама историческая память о Второй мировой войне, о преступлениях нацистов с каждым новым поколением отодвигается все дальше и дальше, заслоняется более близкими и, казалось

бы, более важными и значимыми событиями.

В последнее время все чаще можно слышать, что война уже давным-давно закончилась и уже хватит воевать и говорить об этом, что есть более важные дела и проблемы. Да об этом не только говорить, кричать надо! Загляните в глаза этих людей. Сколько там боли, немого крика, ведь на их глазах терзали и убивали дорогих и близких людей, а память о том кошмаре жива в их сердцах до сих пор.

Даже спустя 60 лет мы не можем дать ответ на вопрос: за что? Чем дальше уходят от нас события тех лет, тем острее возникает потребность ответить на него... Десятки, сотни тысяч согнанных за колючую проволоку, а потом – расстрелянных, растерзанных собаками и людьми, сожженных в печах крематориев, заживо закопанных в землю... Что же двигало убийцами: страх, ненависть, жадность или же?.. Или же?! Наступило время рассказать об этом.

Освенцим, Маутхаузен, Дахау... Целая индустрия смерти, которая не поддается осмыслению, и поэтому, продолжая тему «Возрожденные из пепла...», мы хотим сегодня рассказать страшную правду лишь о нескольких фашистских застенках, об их истории и о том, с какой целью они строились и сколько человек погибло, было казнено, умерло от побоев, непомерного труда и голода за время их существования.

Мы никак не хотим повергнуть вас всех в ужас от услышанного и увиденного. Цель нашего повествования – рассказать о том, как человеческий ум мог придумать то, что

невозможно воспринимать без содрогания и ужаса. А еще показать рисунки, сделанные разными художниками в разное время в разных концлагерях. Сохранились они только благодаря мужеству и стойкости многих и многих людей.

Глава 2. Восставшие из пепла

Летом 1936 года гитлеровцы начали строить концлагерь Заксенхаузен. После завершения строительства здесь предполагалось разместить 10 000 узников, на самом же деле число узников доходило до 60 000. Первыми сюда были доставлены 500 узников из Болотного лагеря Эстервеген. Затем последовали транспорты из Лихтенбурга и Заксенбурга.

Заксенхаузен был школой и центром концлагерной системы. Здесь проходили подготовку эсесовские фюреры и младшие фюреры, занимавшие затем должности комендантов, лагерфюреров, рапортфюреров и блокфюреров в двух тысячах концентрационных лагерей, покрывавших, как паутина, всю Германию и оккупированную фашистами часть Европы. Школа террора создала в концлагере Заксенхаузен атмосферу убийств и смерти.

В Заксенхаузене фашисты опробовали на узниках новые образцы химических и бризантных гранат, новый газ, отравленные пули, средства против сыпного тифа, туберкулеза и эпидемической желтухи. Для этого узников в большинстве случаев заражали микробами этих болезней.

А вот что рассказала нам Лидия Потаповна Автономова. Совсем крошечной она попала вместе с мамой, старшими братом и сестрой за колючую проволоку и прошла все ужасы детского лагеря под городом Бург.

Автономова Лидия Потаповна (бывшая узница детского лагеря под г. Бург)

Жили мы под Ленинградом, на станции Володарка, это в 40 км от города. Семья наша была большая: папа, мама и шестеро детей. Я родилась в феврале 1941 года, а спустя три месяца началась война. Папа ушел на фронт, а мама осталась с нами.

Мы оказались на временно оккупированной территории. Начался голод. А в 1943 году в октябре, нас погнали пешком в Германию. Шла мама с нами, с шестерыми. Старшей – одиннадцать, а мне, вот, последней, чуть больше двух. Четверо из детей дошли. Один умер от голода в дороге, второй пропал. Гнали нас через Псков, Гдов до Бурга, там был лагерь. Нас, малышей, отобрали у родителей и поместили в бараки. Кровь у нас брали для раненых фашистских солдат. Мама со старшенькими работала на хлебопекарне, и искали нас, но никто не знал, где мы, живы ли. Как-то удалось узнать, что есть бараки и оттуда слышен детский плач, и наши мамы во время работы жестами друг другу передавали эту новость. Матери пошли туда, потребовали нас показать. Сначала нас не показывали, потом нас показали в маленькое оконце, завернутыми в одеяло. Мамы потребовали нас развернуть. Крик стоял! Отдали нас матерям больными и парализованными. У меня полностью была парализована вся

правая сторона, но со временем это отошло, но нога так и до сих пор не двигается.

Голодные, холодные, на пинках, на тычках, плен есть плен. Многие умирали от голода, а нам «повезло»: четверо работали, тем и кормились. Старшие всем делились с младшими, так и осталось с тех пор – заботиться о ближнем.

Выжили! В 1945 году нас освободили, и мы вернулись домой, на пепелище. Папа погиб на фронте, мама всю жизнь так и ждала его, не верила в то, что его больше нет, любила сильно.

Я передвигалась на четвереньках, мама тоже сильно болела. Денег дома не было, а мне требовались витамины и усиленное питание. Часто врачи меня укладывали в гипс, но мне не становилось лучше.

В 1956 году меня в очередной раз привезли на осмотр к профессору, который пообещал поставить меня на ноги. Сделали три операции, и я встала.

До 1961 года я ходила с протезом, это был такой специальный аппарат от самого бедра, а мне уже был 21 год. Платья носить я не могла, постоянно ходила в широких шароварах, как говорится: и детства не было, и юность без радости пролетела.

Алексей Николаевич Тумаренко, бывший узник одного из концлагерей, попавший туда после кровопролитных боев и окружения в самом начале войны. Его воспоминания еще

раз говорят о том кошмаре, через который пришлось пройти всем пленникам фашистских застенков.

Тумаренко Алексей Николаевич (бывший узник концлагеря под г. Умань Черкасской области)

Родился я в 1912 году марте месяце в деревне Березовка Болотнинского района Новосибирской области в семье крестьянина-бедняка.

В ноябре месяце 1939 года был призван на действительную службу в ряды Советской армии, где прослужил до 1945 года.

Служа в Советской армии, я занимал должность зам. политрука штабной батареи 309-го артиллерийского полка 140-й дивизии. В августе 1941 года во время тяжелых, кровопролитных боев мы попали в окружение в местечке Подвысокое Винницкой области. Пытались несколько раз прорваться к своим, но каждый раз – безуспешно. На наших глазах гибли наши боевые товарищи. Фашисты тоже несли большие потери. Иногда дело доходило до рукопашной. Превосходящими в несколько раз силами фашистам удалось полностью окружить нас и взять в плен. Я попал в немецкий лагерь города Умань Черкасской области. Каждый день был под страхом смерти, издевательств, голода, изнуренные люди, стоны раненых, трупы умерших, их ведь никто не уби-

рал, это очень тяготило всех, кто еще мог двигаться. Меня спасла случайная встреча с женой сослуживца по полку – Евдокией Васильевой. В первые месяцы войны местные жители довольно часто приходили к колючей проволоке в надежде найти своих или вырвать кого-нибудь из фашистских застенков. Первое время фашисты охотно за золото и большие деньги отдавали пленников. Евдокия Васильева назвала меня своим родным братом, и, таким образом, я оказался на свободе на временно оккупированной территории. Фронт был уже далеко, и я, скрыв свое прошлое, устроился на работу агрономом в городе Гайсин, где проработал до 1944 года.

С приближением Советской армии фашисты начали угонять мирных жителей на принудительные работы в Германию. Та же участь грозила мне и моим товарищам. Не дожидаясь этого, я вместе с несколькими жителями Гайсина ушел в лес, где мы дождались прихода Советской армии. После освобождения города я сразу же пришел в военкомат, оттуда был направлен в 159-й Днестровский УР, где принял присягу, получил звание сержанта и пошел в бой. 27 августа 1944 года был тяжело ранен, по возвращении из госпиталя был признан инвалидом II группы и выехал на родину в г. Болотное Новосибирской области.

Страшны испытания, выпавшие на долю узников лагеря Заксенхаузен. Одно из «исследовательских учреждений» протянуло вокруг плаца проверок «трассу для испытания

обуви» с девятью различными настилами. На ней фашисты испытывали новые «эрзац-подошвы». Примерно 150 узников должны были ежедневно проходить около 40 километров по настилу из бетона, грубого и мелкого шлака, щебня, гравия, песка, гальки и т. п. Пробежка на длинные дистанции и другие издевательства превращали ходьбу в невыносимые страдания.

Для того чтобы вынудить узников давать показания, отряд гестаповцев особого назначения выдумал в 1944 году гнуснейшую пытку: узникам было приказано ходить и бегать в ботинках, размер которых был на два номера меньше. Чтобы усилить страдания, узникам привязывали на спину наполненные песком мешки весом в 20 килограмм.

Быстрое наступление Советской армии помешало намерению убить всех узников в Заксенхаузене. Поэтому был отдан приказ: перебросить узников на побережье Балтийского моря, погрузить на суда и потопить их. Ранним утром 21 апреля 1945 года узники начали свой марш смерти. Более 30 000 мужчин и молодых людей, распределенных на маршевые колонны по 500 человек каждая, тянулись по дорогам Бранденбурга и Мекленбурга. Лишения на марше и голод требовали ежедневно тяжелых жертв. Тот, кто от усталости валился с ног, подвергался немедленному расстрелу. Лес у местечка Белов в Мекленбурге стал кладбищем для нескольких сотен узников. Но час освобождения был уже близок. В начале мая 1945 года быстро продвигающиеся вперед танковые

части Советской армии освободили марширующие колонны узников на дорогах Мекленбурга. В лагере осталось приблизительно 3 000 больных, в том числе 1 400 женщин.

Освенцим – концентрационный лагерь истребления в верхней Силезии (Польша), построенный в 55 километрах от Кракова. Был основан как концлагерь в 1940 году. В 1942 году стал лагерем истребления. За время существования лагеря там было уничтожено свыше 4 миллионов человек. На территории Советского Союза в период Великой Отечественной войны в советских лагерях военнопленных находилось, по предварительным подсчетам, 4 125 982 человек. Сравнению не подлежит.

Из материалов Нюрнбергского процесса: Освенцим. В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки и лаборатории. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми.

Из заключенных Освенцимского лагеря также изготавливались анатомические пособия. В 1943 году лагерное начальство передало Анатомическому институту в Страсбурге 115 специально обработанных заключенных с целью пополнения коллекции этого института.

По технической организованности, массовости и жестокости Освенцимский лагерь оставил далеко позади все немецкие лагеря смерти. На его территории имелось 35 специальных складов для вещей и одежды, из которых 29 немцы

перед своим отступлением сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся 6 складских помещениях было обнаружено 348 820 комплектов верхней и нижней мужской одежды, 836 255 комплектов верхней и нижней женской одежды, 13 964 штуки ковров, а также большое количество детской одежды: рубашки, распашонки, штанишки, пальто, шапочки... На кожевенном заводе Освенцимского лагеря обнаружено 293 тюка запакованных женских волос, общим весом 7 тысяч килограммов. Экспертная комиссия установила, что волосы срезаны со 140 тысяч женщин.

Среди узников этого страшнейшего лагеря были и наши земляки. Среди них – Е. М. Мухина, совсем недавно она ушла из жизни, Н. П. Автономов, который после Освенцима оказался в Бухенвальде и остался в живых только чудом.

А вот что нам поведал Родзевич Павел Михайлович, бывший узник детского лагеря под городом Линс.

Родзевич Павел Михайлович (бывший узник детского лагеря под г. Линс)

Я родился в 1942 году в Киевской области. В июле 1942 года нашу семью перенесли в Линс, где мы до освобождения, это 1945 год, находились в трудовом лагере. Я вместе с сестренкой, ей было всего 2,5 годика, находился в детском лагере, а маму купил фабрикант, это и спасло нас. Мы находились за колючей проволокой, а мама целыми днями работа-

ла, а вечером она подбиралась к детскому лагерю, подзывала сестренку и передавала ей капустные листья. Вот этим и кормились. До нас здесь девчата были, старшие. Их прятали, друг другу передавали, чтобы немцы девочек не погубили. Староста об этом знал, но молчал. В детском лагере в основном детдомовцы из Киева были. К концу их почти совсем не осталось. Старшие говорили, что детей забирают, чтобы кровь брать. Дети после этого не возвращались.

Освободили нас в 1945 году. И сразу же загрузили в эшелоны и повезли в Сибирь, в Абагурский лагерь. Сгрузили и оставили на улице под колючей проволокой. До 1946 года шла чистка. Проверяли, потому что все, кто был на территории Германии в концлагерях или трудовых, считались предателями. Потом выдали справку, мы получили документы и уехали в Новокузнецк. Мама пошла работать на пимокатную фабрику пимокатом. Моя мама – замечательный человек! В 8 лет осталась без родителей: отец погиб, а мать пропала, как ушла искать отца, так больше и не вернулась. В 16 лет вышла замуж. Когда началась война, у нее уже было двое детей. Чтобы нас не трогали после чистки, мама перевела нас на фамилию отца – Булах, а нам строго-настрога запретила говорить, что мы были в лагере. Мы молчали, боялись, да и сейчас не говорим об этом.

В Юргу приехали в 1951 году. Я пошел в школу № 6, это было на первом участке. Мне было уже 9 лет, но пребывание в лагере сказалось, поэтому я так поздно пошел в школу, за-

кончил ее в 1959 году, был призван в армию, затем завод, работал в 27-м и 16-м цехах, а в 1992 году вышел на пенсию.

С весны 1942 года начался принудительный угон миллионов молодых людей на работу в Германию. Поскольку добровольная вербовка не дала желаемых результатов, нацисты применили варварские способы захвата людей. Кузьмина Надежда Ивановна, бывшая узница трудового лагеря под г. Эссен, при встрече так рассказывала нам об этом.

Кузьмина Надежда Ивановна (бывшая узница трудового лагеря под г. Эссен)

В 1943 году нас, самых младших, а мне только 16 исполнилось, погнали в Германию. Мы тогда еще не знали, что наши наступают и скоро придет освобождение. Убежать было невозможно, поэтому никто не убежал, понимали, что никого не оставят в живых.

28 мая нас пригнали в районный городок – Глухов, до войны там был городок танковых частей. Фашисты туда со всего района под колючую проволоку сгоняли молодежь. До нас в 1941 году там были военнопленные, а в 1943 году мы стали обитателями подвалов городка. Спустя неделю нас через строй немцев с собаками загнали в теплушки. Родителей близко не подпускали, но я все-таки успела в толпе увидеть маму. Она стояла вся черная.

Везли нас в Германию две недели, и все это время мы

ревели. Поезда останавливались в степи, чтобы мы смогли справить свою нужду под вагонами, нас дальше и не пускали. Кормили консервами, и то по чуть-чуть.

Привезли нас в г. Эссен. Поселили в бараки. Вокруг все было разбомблено, американцы сильно бомбили. Бараки дощатые были, внутри двухъярусные нары из досок. Кормили нас капустными листьями, да еще иногда брюкву давали, все это рано утром и поздно вечером. Работали мы на металлургическом заводе. Стены высокие, краны ходят, огонь горит. Я была между всеми меньше всех, маленькая, худенькая. Надеть на ноги нечего было, и я ходила босиком. Вот я босиком и подметала металлургическую стружку и относила ее на свалку.

Спустя 1,5 месяца нам с девочкой удалось бежать. Началась сильная бомбежка, мы укрылись в подвале дома, которого уже почти не было. Стало чуть тише, мы выглянули, бараки наши полыхали, проволока разорвана, ворота нараспашку, кругом все горит, сыплется. Выползли мы с ней тихонечко и пошли. Долго шли, вышли на окраину города, оглянулись, а там – дым, пламя, раненые мечутся. К вечеру вышли на скошенную полянку, нарвали колосков, ошелушили их, поели и с тем заснули, а ночью холоднющие были, а утром двинулись дальше.

Дорога шла мимо леска, в Германии не лес, а небольшие перелески. Девочка не захотела пойти по этому леску, испугалась, что собьемся с дороги и домой не попадем, шли-то

ведь на восток, к своим. Ну, вышли мы с ней на дорогу, а навстречу полицай. И закончилась на этом наша дорога домой. Привел он нас прямо в тюрьму. Нас – по разным комнатам, осталась я одна среди незнакомых девчат, они уже давно в этой тюрьме жили, их отсюда на работу водили. Попала я туда во время обеда, каждой принесли по одной большой картофелине, а я такая голодная была, есть хотелось жутко. Забилась я в уголок, и в слезы. Сели вокруг меня девчата, стали успокаивать. Тут открывается дверь, и меня зовут на выход. Отвез меня полицай на ферму к молодой хозяйке. Первое, что она меня спросила: как меня зовут? Дала она мне воды, я вымылась, переоделась. Захожу, а на столе огромная чашка картошки с капустой. Если бы не стыдно было, я бы все съела, но как я могу! А есть хочется, чуть-чуть к еде прикоснулась и больше не стала. Так я и осталась в этой семье. Я занималась домом: уборка, стирка, работа в поле. Тут давали кушать. Утром подъем в 6 утра и весь день в работе: сел, поел и за работу, и так до семи вечера. Попытались меня отправить корову доить, но силенок у меня не хватило, и меня вернули в дом.

Нас было восемь человек работников: поляк, два француза, два русских, немка и я. За год я повзрослела, выучила немецкий язык, делала все бегом, боялась, что отправят назад, в лагерь.

9 мая 1945 года в город вошли американцы, и мы все-таки решили идти домой. Вот так: от лагеря до лагеря и до-

шли до Эльбы. Впервые я там видела негров. Вы не представляете, какими были красивыми наши советские офицеры! Они среди американцев, французов, англичан выделялись особенной выправкой!

В Юргу я приехала недавно, в 1997 году, после смерти мужа, а до этого мы с ним жили 35 лет в Казахстане. В Юрге живут мои сыновья, внуки. Жизнь прожита, она разной была: и горькой, и страшной, и хорошей, всего понемножку.

Беккер Оскар Генрихович, бывший узник трудовой армии на территории Германии, тоже вспоминает о тех страшных скитаниях по дорогам и весям родного края и других стран.

Беккер Оскар Генрихович (бывший узник трудовой армии на территории Германии)

Я родился в июле 1938 года в Одесской области. К началу войны мне еще не было и трех лет. И почти сразу же мы оказались на оккупированной территории. А потом нас погна-ли. В нашей группе было 17 человек, среди них я с мамой. Хлебнули мы всего: и с телеги скидывали, и с теплушек вы-талкивали, и с машины сбрасывали, и все на землю. Терпе-ли, чтобы не погибнуть. Страшно было, когда самолеты бом-били. Старшие говорили, что за сутки тысячу вылетов было. Лежали, не шевелились. У нас был руководитель – полков-

ник медицинской службы. Он нам постоянно твердил, чтобы мы были осторожными, под ноги смотрели, мин-то натыкано видимо-невидимо было. У нас на глазах медсестра на одной из них подорвалась.

После очередной бомбежки, а мы прятались в полуразрушенном доме из трех комнат, я был весь изранен стеклом, ползали от одной стены к другой, чтобы не погибнуть от осколков разорвавшейся бомбы. А я еще всю ночь не спал, будил взрослых, если слышал гул самолетов, и мы переползали с места на место. В последний раз мы только успели перебежать и... взрыв! Не переползли бы, не выжили бы, погибли бы все. А самое интересное было: часы на одной стене висели, кончился этот кошмар: дым, взрывы, осколки, огонь, а эти часы висят себе на стене и тикают! Выползли мы из этих комнат, когда чуть-чуть все затихло, а я весь в крови, все руки и ноги стеклом иссечены. Перемотала меня медсестра, а у меня даже сил плакать не было, глаза слипались от бессонной ночи, и отползла в сторону. Взрыв, и все...

Погнали нас дальше, это было в Бухаресте. На вокзале мы груды тел увидели, вперемешку детей и взрослых, кто это был, можно было узнать только по низу или верху тела в клочья были разорваны. В тот день Пасха была, и люди ехали на праздник: дети с куличами, с подарками, взрослые тоже одеты празднично. И в одно мгновение все это превратилось в кровавое месиво. Кровь ручьем текла, как у нас, когда снег тает, вода по Московской течет, так у нас там то же самое бы-

ло, только ручей кровавый был. Мать глаза мне рукой прикрыла, чтобы я этого ужаса не видел. В этот день мне 5 лет исполнилось.

Погнали нас в лесок, чтобы хоть немного укрыться да дух перевести, отсиделись и дальше.

В чистом поле мы лежали, не двигались, любое шевеление – смерть. Самолеты летали низко, лицо летчика можно было разглядеть. Мама глаза мне прикроет и шепчет, чтобы я не шевелился, вот так и лежали, пока они не улетали. А потом дальше и дальше по кругу.

В 1945 году нас освободили и сразу же в теплушку, и в Молотовскую область, Соликамский район, г. Бобруйск, сейчас это Пермская область.

В 1951 году я приехал в Юргу и уже 50 лет живу здесь. Тридцать семь лет работал в тресте, строил дома, там же встретил свою жену, вот уже полвека вместе.

Все вышесказанное показывает, что мирное население, как и попавшие в плен военнослужащие, оказалось в неимоверно тяжелом положении. В условиях объявленной «тотальной войны» и в соответствии со своими взглядами и понятиями нацисты осуществляли жестокую политику террора против всех, независимо от их национальности.

P. S.

К сожалению, собственноручные рукописи воспоминаний этих людей, прошедших ужасы фашистских застенков и со-

ветских фильтрационных зон, были уничтожены. При увольнении меня с работы в должности педагога дополнительного образования, руководителя школьного музея по сокращению штатов музейные экспонаты, по приказу директора школы, были вынесены из комнаты, где раньше размещался школьный музей. Комната та была бывшим холодильником для школьной столовой, ничего не скажешь – «достойное место» для хранения музейных экспонатов. Да и для новой комнаты музея подобрали тоже ну очень «достойное место» – комнату в школьном подвале.

Школу строили в 1956 году, и, естественно, было отведено место для бомбоубежища в подвале школы под землей. Сейчас в этих комнатах работают раздевалка для малышей и для старших ребят, качалка для учеников военно-профильных классов, хранится документация-журналы успеваемости разных годов, личные дела педагогов за последние 25 лет. Вот в одной из таких комнат бывшего бомбоубежища было решено разместить музей.

Я прекрасно знала, что из себя представляет комната, предназначенная для музея: пол местами прогнил, никакой вентиляции, обшарпанные стены и окна, почти полностью засыпанные землей.

Меня в комнату не пустили, ссылаясь на то, что там ведутся ремонтные работы. Все музейные экспонаты, среди которых были уникальные вещи: собственноручные рукописные воспоминания, поисковые задания классам и отчеты по

этим заданиям, летописи разных школьных лет, личные вещи участников Великой Отечественной войны, – были сложены на подоконники. Как они там лежали, я могу только предположить! А в результате – многие работы были просто уничтожены дождями, в течение лета шли дожди, и не факт, что окна в подвале на это время закрывались.

Как к такому относиться? С презрением к тем, кто таким образом относится к той святой истории нашего государства, о которой так много трещат на всех углах! И я с большой долей уверенности могу сказать, что в канун 75-летия Великой Победы все отчитаются об успешном военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения.

А я себя ругаю, что, уходя из школы, не забрала эти ценные рукописи. И вину за уничтожение этих бесценных документов я с себя не снимаю.

Глава 3. Совсем не простая история семьи Сапожник

А эта история написана от имени Исаака Шмулевича Сапожника. В один из дней, после того, как наша работа о детях – узниках концлагерей была опубликована в местной прессе и все участники этой исследовательской работы были награждены медалью Союза славянских журналистов «Сыны Отечества», у меня дома раздался звонок, и смущенный мужской голос спросил, могу ли я рассказать о письмах, которые долгое время хранились дома, на антресолях. Письма эти оказались весточкой из далеких 30-40-х годов XX столетия, тех годов, когда разгоралось пламя самой страшной и кровопролитной Второй мировой войны.

Когда Исаак Шмулевич, это он мне звонил, бережно достал сверток и очень осторожно развернул его, я ахнула! Передо мной лежали письма из гетто Лодзи! Все они были датированы 1939-1942 годами! Письма прекрасно сохранились, на них отчетливо видна гербовая печать фашистской Германии со свастикой. Все письма были написаны на немецком и польском языках. Было очень интересно узнать, что в этих письмах написано. Но ни Исаак Шмулевич, ни я не знаем этих языков. И у меня возникла идея попытаться перевести несколько писем, обратившись за помощью к учителю английского языка той школы, где училась моя дочка.

Протасова Нина Ивановна с удовольствием согласилась нам помочь. Но об этом я расскажу чуть позже.

А пока вернемся к Исааку Шмулевичу. Волнуясь, он рассказал непростую историю простой польской еврейской семьи.

Вот эта история.

Я, Сапожник Исаак Шмулевич, хочу рассказать об отдельных эпизодах из непростой жизни моих родителей, их братьев и сестер. Надеюсь, что таким образом продлится Память о них, и не исчезнет она с моим уходом, и останется в памяти людей, прочитавших эти записи. Заранее хочу сказать, что, к большому сожалению, мама и папа мало говорили с нами (имею в виду себя и мою сестру) об их молодых годах, о семьях, где они родились и росли. Поэтому все, что я постараюсь здесь рассказать, будет носить отрывочный характер. Но думаю, что даже отдельные факты из их жизни дадут представление об их устремлениях и мечтах о новой жизни, о том непростом времени, где было много хорошего и плохого, радостей и горестей, как, впрочем, и в жизни любого поколения.

Итак, мои родители родились в Польше. На этой фотографии, которая была сделана в 1939 году в городе Лодзь, они стоят в центре, на стульчике сидит бабушка Идесс, справа от нее стоит Цирл, старшая мамина сестра, рядом с ней Шимек – брат, в центре, как я уже говорил, мои будущие роди-

тели и Мотя, муж Цирл.

Это последняя фотография, сделанная перед захватом Польши фашистскими войсками. Что случилось потом с каждым из них, я расскажу чуть позже, а пока я хочу вернуться к родителям.

Папа, Сапожник Шмуль Иехелевич, родился в 1915 году в Бельцк-Подляцком (какое-то время этот город принадлежал Западной Украине). В семье папы было еще два брата, а вот о родителях папы я ничего, к сожалению, не знаю.

Мама, Вайнгартен Хая-Сура Ицковна, родилась в 1913 году в Польше. О ее семье я знаю чуть больше и поэтому могу рассказать о ней. Отец мамы был ткачом-частником. Дома у них стоял старый ткацкий станок, и мой дед занимался изготовлением ткани.

Бабка, ее звали Идесс, воспитывала детей, которых по сегодняшним временам было немало. Кроме мамы было еще три сестры – Цирл, Стефа и Франя, и брат Шимек.

Папа учился в польской школе, неплохо закончил 7 классов. После окончания школы пошел работать в типографию города Лодзь, наборщиком. Вступил в еврейскую Коммунистическую партию Бунда. Этот выбор сыграл огромную роль в его судьбе, а также его брата Зельмана и моей мамы.

В сентябре 1939 года мой отец, как и все солдаты Польской армии, был на передовой, участвовал в первых тяжелейших боях против фашистских захватчиков. Как известно, Польская армия в ходе этих боев потерпела сокрушитель-

ное поражение и была почти полностью уничтожена. Многие солдаты были убиты или попали в плен, кому удалось вырваться из этого огненного котла, тот в одиночку добирался до дома. В число таких одиночек попал и мой папа. Он был легко ранен и решил пробираться в Лодзь, к семье, чтобы там найти мою маму. Они уже к этому времени были знакомы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.